

Мне было до смерти любопытно, что же там такое, но стоило лишь склониться поближе, как эта фурия, которую я считал глубоко спящей, внезапно вскочила и мертвой хваткой вцепилась мне в горло.

В мгновение ока я перехватил её слабеющие пальцы и разжал хватку. Стоило мне поднять голову, как на меня снова обрушился водопад спутанных фиолетовых волос. Я едва успел уклониться.

— Да вы издеваетесь! Опять?!

Несмотря на явную немощь, боевой задор этой женщины ничуть не угас. К счастью, я так и не выпустил из рук ножницы. Ловко перехватив пряди, которые больше не внушали мне трепета, я победно вскинул свое «оружие», намереваясь в отместку обкорнать её под ёжика. Но в последний момент рука дрогнула.

Она тяжело ранена. Если я ещё и её изначальный дух поврежу, она точно не выживет. Каким бы скверным демоном она ни была, сколько бы душ ни загубила, она всё же женщина. Нам, бессмертным, полагается быть милосердными — небо благоволит всему живому. Конечно, я не настолько просветлен, как Шакьямуни, чтобы наставлять грешников на путь истинный, и уж точно не настолько великодушен, чтобы забыть былые обиды, но...

— Послушай, давай без этого, — я отпустил её волосы и медленно убрал ножницы. — Нападешь ещё раз — точно постригу.

Фурия устала на меня, тяжело дыша. На бледном лице алая родинка-слезинка между бровей казалась каплей свежей крови — такой же яркой, как та, что стекала с её губ. На этот раз она присмирела свои косы и бессильно откинулась на кровать. Закрыв глаза, она отвернула голову, всем видом показывая, что знать меня не желает.

Я же притащил табурет, уселся у изголовья и принялся беззастенчиво её разглядывать. Вскоре это ей надоело. Фурия резко обернулась и прорычала:

— Ещё раз так посмотришь — глаза выколю!

Я лишь небрежно помахал ножницами.

— Для этого нужны силы, а их у тебя маловато, верно, фурия?

— Ты!.. — она заскрежетала зубами, но на гневную тираду её не хватило.

Я видел, как вздулись жилы на её руках. Ей было паршиво, так что с расспросами я решил повременить. За стенами бамбукового домика шумела вода — водопад рассыпался мириадами брызг, которые ветер доносил до самого порога. Солнечные зайчики плясали в каплях на

подоконнике, освещая разбросанные по полу лепестки. Я подобрал один — фиолетовый, изломанный. От него исходил тонкий, дурмящий аромат, и мне невольно стало её жаль.

«В беседке дождь, и холод предзакатный...» — почему-то вспомнились строчки старого стиха. Я негромко продекламировал их и грустно улыбнулся, положив лепесток обратно.

Прошло немало времени. Солнце медленно ползло по каменным плитам за окном, а в моем животе начало настойчиво урчать. Хуюй ушла уже сутки назад и до сих пор не вернулась. Я осторожно коснулся плеча фурии:

— Эй, фурия, а где Хуюй?

Она даже не открыла глаз, лишь злобно передернула плечом, сбрасывая мою руку, и тут же охнула — движение отозвалось в ране. Лоб её мгновенно покрылся испариной. Несмотря на то что боль явно скручивала её, она не проронила ни звука, лишь впиалась ногтями в край кровати так сильно, что едва не сорвала их.

— Тебе совсем плохо? — обеспокоенно спросил я.

Пользуясь тем, что ей не до меня, я снова осторожно отогнул край её воротника. Рана на левом плече выглядела странно: ни припухлости, ни воспаления, но под бинтами плоть словно горела изнутри. Будто её поразило божественное оружие.

Неужели... это Мо Чэ её так приложил?

Пока я размышлял, за спиной свистнул кнут. Прежде чем я успел обернуться, меня туго спеленали и отшвырнули в сторону. В комнату влетела Хуюй. Её розовые одежды были влажными от брызг водопада. Она бросилась к полубморочной сестре, а затем обернулась ко мне, пылая яростью:

— Что ты с ней сделал?!

Я, беспомощно барахтаясь на полу, вытаращил глаза:

— Ничего я не делал!

Хуюй подскочила ко мне, схватила за шиворот и указала на ножницы в моей руке:

— А это тогда что такое?!

— Ножницы...

— И что ты ими делал?! — её голос дрожал от сдерживаемого гнева.

— Ногти стриг, — постарался я ответить как можно спокойнее.

Золотые глаза девушки сверкнули пугающим блеском. Она указала на ворох изрезанных лепестков:

— Ногти?! А это ты как объяснишь?!

— Ну... понимаешь...

Договорить мне не дали. Хуьй выхватила кинжал и замахнулась, явно намереваясь пустить меня на фарш. Я по-пластунски рванул назад, лепеча:

— Это... это она сама хотела меня придушить своими патлами! Я просто защищался!

— Убью!

Кинжал вонзился в пол в паре вершков от моего лица. Сердце ушло в пятки. «Девчонка, ты это серьезно?!» — промелькнуло в голове. Откуда только силы взялись — я перекатился, уворачиваясь от следующего удара. Хуьй с остервенением выдернула клинок из пробитых досок и снова бросилась на меня. Видит небо, я никогда не знал, что умею так ловко кувыркаться!

Но в тесной комнате далеко не уедешь. В какой-то момент я не рассчитал маневр и с размаху впечатался в стену. Хуьй тут же настигла меня, связала черным кнутом по рукам и ногам, придавила коленями к полу и занесла кинжал:

— Теперь не уйдешь!

Я понял, что дело дрянь — кнут стягивал ребра так, что стало трудно дышать.

— Послушай, давай поговорим!

— На том свете наговоришься! Умри!

— Не-е-ет!

Пока мы возились, никто не заметил, что происходит с Цзаньби.

Внезапно фурия пришла в себя. Её обстриженные волосы начали расти с пугающей скоростью. Бледное лицо на глазах налилось фиолетовым цветом. Пятна быстро поползли по шее, груди, рукам — вскоре вся её кожа стала темно-пурпурной. Она издала дикий, животный вопль. Волосы, ставшие похожими на извивающихся змей, начали крушить всё вокруг, ломая мебель и стены.

Из её тела полезли гигантские цветочные лозы. Пальцы Цзаньби превратились в мощные древесные побеги, которые мгновенно оплели Хуюй.

— Сестра?! Что с тобой?! — вскрикнула Хуюй, пытаясь разорвать путы, но грубые стебли держали крепко.

Цзаньби её не слышала. Она полностью утратила человеческий облик, превращаясь в жуткий куст, стремящийся поглотить всё живое. Хуюй оказалась заперта в коконе из листьев. Бледная как полотно, она обернулась ко мне:

— Помоги!

«Милая, ты меня связала, а теперь просишь помощи?» — подумал я, глядя на её отчаянное лицо.

Цзаньби тем временем заметила меня. Её глаза превратились в темные провалы, она вся слилась с фиолетовым массивом своего истинного облика. Я вспомнил: когда демоны смертельно ранены, они могут впасть в безумие, возвращаясь к первоначальной форме. В таком состоянии они пожирают всё вокруг, чтобы исцелиться — даже тех, кого любили.

И я явно был следующим в очереди на обед.

Огромная лоза подняла меня, спеленатого кнутом, и потащила к огромной чернильно-фиолетовой пасти макро-пиона.

«Ну всё, приплыли», — мелькнуло в голове.

Я ждал, что меня сейчас перекусят пополам, но, как ни странно, черный кнут Хуюй сослужил мне добрую службу. Как бы монстр ни жевал меня, я оказался слишком «жилистым» из-за этой магической верёвки. В итоге чудище брезгливо выплюнуло меня, отшвырнув в угол.

Я-то спасся, а вот Хуюй — нет. Цзаньби, занимавшая уже почти весь домик, не собиралась выпускать вторую добычу. Видя, как девчонка тщетно бьется в лозах, я понял: надо что-то делать.

Внезапно я почувствовал щекой что-то грубое и холодное. Оказалось, меня забросило прямо за спину монстру. Подняв голову, я увидел в переплетении фиолетовых стеблей узкую,

пульсирующую красным светом щель.

Рана фурии!

Кнут немного ослаб после того, как меня пожевали. Я смог извернуться и дотянуться зубами до ножниц, которые так и не выронил. Времени не было — Хуюй уже почти скрылась в пасти монстра. Превозмогая боль в челюсти и рискуя остаться без зубов, я подкатился к ране и, изловчившись, из положения лежа вонзил лезвие прямо в пульсирующий красный разлом.

Цзаньби взвыла. Этот звук был подобен удару молота по наковальне — он буквально вышиб из меня дух. От боли монстр разжал лозы, всё его тело затряслось. Меня отбросило к стене, а фиолетовые волосы, ставшие жесткими, словно стальная проволока, пригвоздили меня к бамбуковым стойкам.

Хуюй успела выскользнуть. Поняв, что её охота не удалась, безумная Цзаньби повернулась ко мне. Её взгляд, полный ядовитой ненависти, обещал мне долгую и мучительную смерть. Я замер, припиленный к стене, понимая, что бежать некуда.

Это было бы концом, если бы Хуюй не оказалась быстрее. Она метнулась ко мне, перерезала путы и, подхватив меня под мышки, одним мощным прыжком вынесла через пролом в крыше. Мы неслись прочь, не смея оглянуться.

Миновав водопад и перевалив через пару хребтов, мы наконец остановились. Хуюй развязала меня и бессильно опустилась на траву.

— Эй, ты как? — я подошел к ней.

— В порядке... — буркнула она, тяжело дыша.

Вид у неё был измученный, под глазами залегли темные тени.

— Ты где была целые сутки? — спросил я.

Она помолчала, глядя в землю, а потом тихо произнесла:

— Ты же видел, что с сестрой... Я знала, что так будет. Ушла искать лекаря, но всё произошло слишком быстро... — вдруг она вскочила и ткнула в меня пальцем: — Это всё ты виноват!

— Я?!

— Если бы ты не истощил её изначальный дух в той драке, она бы не сорвалась так рано! — она

снова села, обхватив колени. — Боги не станут спасать демона, а другие демоны и близко не подойдут к такой ране. Я весь день пороги обивала, но никто не помог...

Я присел рядом.

— Послушай, я видел её рану. Она очень странная. Откуда она?

Хуюй зло посмотрела на меня:

— От твоего хахаля, откуда же ещё!

— Моего... кого?! — я аж поперхнулся.

— Не прикидывайся дураком! Твой молчаливый дружок! Будто ты не знаешь!

Я вытер пот со лба.

— Послушай, у нас с ним ничего такого нет...

— Рассказывай! — Хуюй в сердцах толкнула меня в плечо. — Стал бы он иначе кромсать мою сестру из-за того, что мы тебя утащили? Он там пол-леса вырубил, когда тебя не нашел!

— Ну... вы вообще-то чужую вещь украли, — пробормотал я.

— Хэнчэнь не его! — вскричала Хуюй. — Этот меч принадлежит господину Сюаньду!

— Хэнчэнь?

Так вот как называется эта железка Мо Чэ. Но постой, Сюаньду — император демонов. С чего бы ему владеть мечом, который вырезает демонов пачками? У этих древних монстров явно свои причуды.

Я посмотрел на поникшую Хуюй.

— Ты так переживаешь за сестру?

— Она вернулась в истинную форму, — тихо ответила девушка. — Жизни ничего не угрожает, но...

— Ну вот и хорошо...

— Ничего хорошего! — она снова вскинулась. — Если рану не вылечить, она её высушит изнутри. Я всех обошла, но лекари боятся расходовать силы на демона. А в Бессмертном пруду Цзинчжэнь эти двое... Цзинкоу и Чжэньмин... они меня даже на порог не пустили!

— Бессмертный пруд Цзинчжэнь? — я впервые слышал это название.

Хуэй посмотрела на меня с таким презрением, будто у меня выросла вторая голова.

— Ты точно бессмертный? Даже мы, демоны, знаем про это место!

Ну извините, я на своем пике Яоцзи веками сидел, а в Небесном чертоге и недели не пробыл до ссылки. Откуда мне знать про всякие пруды?

— Говорят, вода в Цзинчжэнь исцеляет любую хворь. Пруд охраняют Цзинкоу и Чжэньмин. Найти его почти невозможно... — Хуэй сердито сорвала травинку. — Стоило им увидеть, что я демон, как они закричали про мои «грехи» и выставили вон! Чинуши небесные!

Я усмехнулся:

— Не бери в голову. Они почти все такие.

Хуэй подозрительно прищурилась:

— А ты? Ты не такой? На вид ты просто дурачок, но...

«Это она меня так хвалит?» — подумал я.

— Ладно, — сменил я тему. — Значит, если достать воду из пруда, сестра поправится?

Хуэй сначала кивнула, а потом в отчаянии замотала головой.

— В чем дело?

— Мало просто воды. Раз она уже приняла истинную форму, её нужно полностью погрузить в пруд. Иначе вода не подействует. А теперь... всё кончено.

Я поднялся и отряхнул штаны. Посмотрев на приунывшую девчонку, я улыбнулся:

— Не смей говорить, что надежды нет. Пока твоя сестра жива, шансы есть. Всё кончится только тогда, когда ты сама решишь сдаться.

Она подняла на меня свои золотые глаза. Я похлопал её по плечу:

— Хочешь её спасти?

Она серьезно кивнула.

— Тогда идем.

— Куда?

— В Бессмертный пруд Цзинчжэнь, конечно.

Она нерешительно замерла:

— Зачем? Меня же прогнали...

Я пожал плечами:

— Прогнали раз — придем еще. Не будь такой трусихой. Если по-хорошему не дадут, возьмем силой. Идет?

Она закусила губу, раздумывая.

— Я всё-таки бессмертный, — добавил я весу. — Должны же они проявить уважение к коллеге.

Глаза Хуэй блеснули. Она наконец решилась и кивнула.

— Ах да, — спохватился я. — Забыл сказать: если начнется драка, вся надежда на тебя. У меня-то магии — кот наплакал...

Хуэй помрачнела, и в её взгляде снова промелькнуло знакомое презрение. Ну что поделать, горькая правда всегда вызывает такую реакцию.

Впрочем, главная проблема была не в стражах пруда. Как нам дотащить безумную фиолетовую фурию до места, чтобы она не сожрала нас по дороге?

Я посмотрел на далекие горы, окутанные облаками. Где-то там, за этой безмятежной красотой, ворочался монстр, когда-то бывший женщиной.

Становилось не по себе. Грядут хлопоты, это уж точно.

<http://bllate.org/book/17534/1704850>